

М. А. Клинова

ПОЛИТИКА ОПЛАТЫ ТРУДА ГОРОЖАН РСФСР В 1946–1953 гг.: МОБИЛИЗАЦИОННЫЙ ИНСТРУМЕНТ И ФАКТОР МАТЕРИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА

doi: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-72-81

УДК 94(470)“1946/1953”:338

ББК 63.3(2)63+65.03(2)63

В работе предпринят анализ политики оплаты труда различных профессиональных групп городского социума РСФСР в 1946–1953 гг. с целью определения специфики и масштабов дифференциации заработной платы, ее обусловленности задачами мобилизационной стратегии государства. Политика оплаты труда горожан предполагала высокий уровень дифференциации зарплаты. В соответствии с принципом главного звена, в городском социуме выделялись приоритетные группы, в отношении которых более активно применялись методы положительного материального стимулирования (повышение окладов, выплаты и пр.). По отношению к остальным горожанам шире применялись методы негативного материального стимулирования (повышение норм выработки, снижение сдельных расценок). Дифференцированная политика оплаты труда была инструментом решения государственных задач: закрепления кадров в приоритетных отраслях промышленности, повышения производительности труда, стимулирования научных разработок и пр. С другой стороны, она способствовала материальной поляризации советского социума. В оценке масштабов материального неравенства определяющую роль играет система оценочных координат. Современники отмечали существенный уровень материального расслоения советского социума, трактуя его как нарушение принципа социалистического распределения. По мнению Т. Пикетти, Ф. Новокмета и Г. Зюкмана, коэффициент материального неравенства в послевоенном СССР был достаточно низким (в сравнении с до-революционным, постсоветским, зарубежными уровнями), но в масштабах советского периода данный показатель достиг своего максимума именно в послевоенные годы.

Ключевые слова: *оплата труда, неравенство, городское население, 1946–1953 гг., советская мобилизация*

Актуальным направлением современного научного поиска является изучение механизмов советской социальной инженерии, содержание и эффективность которых не были неизменными на протяжении советского периода. Одним из таких инструментов являлась политика оплаты труда граждан, определяющая специфику их трудовых и потребительских стратегий. Наибольший интерес представляет реализация данной политики в первые послевоенные годы — период интенсификации производства и трудовой активности граждан. Фокусировка внимания на изучении политики оплаты труда горожан обусловлена рядом факторов. Во-первых, происходившие во второй половине 1940-х — 1950-е гг. процессы урбанизации привели к количественному преобладанию в РСФСР городского населения. Во-вторых, политика государственного регулирования доходов горожан наиболее полно отражала специфику советского социального

проекта, ориентированного на создание индустриального общества (социализма).

Проблематика оплаты труда отдельных профессиональных групп советского городского социума позднесталинского периода получила рассмотрение в историографии,¹ а также освещалась в публикациях, посвященных советской повседневности и экономическому развитию СССР.² Отсутствие обобщающих ра-

¹ См.: Калинина О. Н. Социальный статус и материально-бытовое обеспечение региональной партийно-советской номенклатуры Западной Сибири в 1953–1964 годах // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2015. С. 221–229; Коновалов А. Б. Эволюция системы номенклатурных льгот и привилегий в период «позднего сталинизма» (1945–1953 гг.) // Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX века. Пермь, 2004. С. 161–179; Кузнецова Н. В. Динамика цен и заработной платы в Нижнем Поволжье в условиях продовольственного кризиса 1946–1947 годов // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1 (21). С. 59–66; Мамяченков В. Н. Материальные условия жизни семей промышленных рабочих Свердловской области в 1953–1964 годах: от Сталина до Брежнева: историко-экономическое исследование. Екатеринбург, 2010; Он же. Денежные доходы работников партийных органов Свердловской области в 1950-х годах // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2009. Т. 15, № 3. С. 242–245; Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М., 2011; и др.

² См.: Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; Попов В. П.

бот, посвященных изучению материальных доходов горожан, свидетельствует об актуальности темы. В нашей работе предпринята попытка комплексного анализа реализации политики оплаты труда различных профессиональных групп городского социума РСФСР в 1946–1953 гг. с целью определения специфики и масштабов дифференциации заработков горожан, выявления ее обусловленности задачами мобилизационной стратегии государства. (В статье не анализировались премиальные и компенсирующие выплаты.)

Важно отметить, что политика оплаты труда населения является производной от экономической системы, определяющейся совокупностью всех экономических процессов в стране, а также целей и задач государства. Применительно к послевоенному периоду советской истории можно говорить о сохранении мобилизационной экономической системы, ориентированной на решение внеэкономических задач страны.³ Данная модель представляла собой систему политико-административного, экономического и правового регулирования, нацеленного на восстановление и интенсификацию производства при ограниченных ресурсах. В. В. Седовым были выделены основные принципы мобилизационности: достижение цели любой ценой, дискретность, сознательность. Важным является принцип главного звена, согласно которому возможно перераспределение ресурсов путем их изъятия из других, менее важных звеньев экономики.⁴

План четвертой пятилетки был ориентирован на первостепенное развитие промышленности. В то же время за годы войны численность рабочих и служащих в РСФСР сократилась на 2,5 млн чел.⁵ Политика оплаты труда в индустрии должна была способствовать решению кадровой проблемы и повышению производительности труда.

Более 60 % всех промышленных рабочих находились на сдельной оплате, при которой объем заработка зависел от выполнения трудовых норм. Оплата труда осуществлялась по 8-разрядным тарифным сеткам, с различным отношением крайних коэффициентов: в авто-

мобильной промышленности — 1:3,6, в приборостроении — 1:3,2, в машиностроении — 1:3,56.⁶

Приоритетность развития промышленности отразилась на заработках работников индустрии. Средняя зарплата в народном хозяйстве составляла в 1945 г. 442 руб., в 1950 г. — 646 руб., в 1953 г. — 684 руб.⁷ В 1945–1953 гг. заработки рабочих и служащих в промышленности и на транспорте были выше средней зарплаты на 9–16 %. Во второй половине 1940-х гг. заработки работников индустрии выросли. Но это повышение затронуло только определенные профессиональные группы. Критериями отбора являлись важность отраслей индустрии, сложность условий труда (связанная с трудоемкостью работ, территорией расположения предприятия).

Территориальный принцип повышения зарплаты был реализован в отношении работников предприятий, находящихся в трудных климатических условиях. Устанавливалась надбавка 10 % к окладам для рабочих и ИТР, трудящихся в районах Крайнего Севера.⁸ На 20 % была повышена заработная плата рабочим и ИТР Урала, Сибири и Дальнего Востока (реформа затронула 824 000 рабочих 727 предприятий истроек).⁹ Принцип отраслевой важности был реализован в повышении на 20 % заработков рабочих и ИТР заводов ПГУ СМ СССР (атомный проект).¹⁰ На 20 % были повышены заработки работников локомотивных бригад, предприятий и организаций нефтяной промышленности (занятых на основных видах работ)¹¹ и др. Вследствие проводимой политики оклады работников одной специальности, задействованных в разных отраслях индустрии, существенно различались. Оклады ИТР и служащих строительных организаций, занятых строительством хлебопекарен, были на 10 % ниже, чем у строителей металлургических предприятий.¹² Зарботки сотрудников нефтедобывающих трестов были в среднем на 10 % выше, чем нефтеперерабатывающих (см. табл. 1).

⁶ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 276. Л. 396–398; Д. 283. Л. 132.

⁷ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 161.

⁸ См.: Сборник законов СССР и указов Президиума ВС СССР. 1938 — июль 1956 г. М., 1956. С. 378–380.

⁹ Данное повышение коснулось только работников угольной, нефтяной и химической промышленности, черной и цветной металлургии, занятых на стройках военных и промышленных предприятий, на добыче торфа, графита, слюды, асбеста, соли и производстве цемента. См.: ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 283. Л. 66–67.

¹⁰ См.: Атомный проект СССР: документы и материалы. Т. 2, кн. 3. С. 314–315.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 278. Л. 334–335; Д. 280. Л. 78–83; Д. 282. Л. 42–61.

¹² Там же. Д. 278. Л. 368.

Экономическая политика советского государства. 1946–1953 гг. М.; Тамбов, 2000; и др.

³ См.: Побережников И. В. Модернизация в истории России: направления и проблемы изучения // Урал. ист. вестн. 2017. № 4 (57). С. 36–45; Седов В. В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск, 2003; и др.

⁴ См.: Седов В. В. Указ. соч. С. 21, 22.

⁵ Труд в СССР: стат. сб. М., 1988. С. 40.

Таблица 1

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РСФСР (1946–1953), руб. в мес.*

Профессия, должность		1946 г.	1947 г.	1953 г.
1		2	3	4
Министр; заведующий отделом ЦК ВКП(б)-КПСС				5 000 (+20 000**)**
Заместитель заведующего отделом ЦК ВКП(б)-КПСС; редактор отдела журнала «Коммунист», член редколлегии				3 500 (+2 600**)
Инструктор ЦК ВКП(б)-КПСС; консультант отдела журнала «Коммунист»				2 500 (+750**)
Первый секретарь обкома ВКП(б)-КПСС		2 000	2 000 (+6 000)	2 000 (+7 000)
Второй секретарь обкома ВКП(б)-КПСС		1 800	1 800 (+4 500)	1 800 (+4 500)
Заведующий отделом обкома ВКП(б)-КПСС		1 800	1 800 (+2 700)	1 800 (+2 160)**
Заместитель заведующего отделом обкома ВКП(б)-КПСС			1 400 (+ н/св.)	
Заведующий сектором обкома ВКП(б)-КПСС			1 250 (+ н/св.)	
Председатель облисполкома			1 600 (+4 800)	1 600 (+4 020**)
Первый секретарь горкома ВКП(б)-КПСС			1 500– 2 100****	
Второй секретарь горкома ВКП(б)-КПСС			1 400– 1 900****	
Третий секретарь, секретарь по кадрам, секретарь по пропаганде горкома ВКП(б)-КПСС			1 300– 1 800****	
Инструктор обкома ВКП(б)-КПСС			1 050	
Парторг	артиллерийского завода			3 000
	завода «Уралалюминстрой»			2 700
	Кемеровского металлургического комбината им. Сталина	2 000		
Уполномоченный Госплана СССР, начальник управле- ния статистики Госплана СССР			2 000–2 500	
Художественно-руководящий персонал Большого театра		900–5 000		
Солист оперы Большого театра		1 000–5 500		
Артист балета Большого театра		900–4 000		
Директор	вуза или института АН СССР (д-р наук, профессор)	6 000–8 000		
	завода Главкислорода при СМ СССР I категории	1 700–2 000		
	издательства иностранной литературы	5 000		
	комбината местной промышленности		600–1 000	
Научный сотрудник или преподаватель вуза	д-р наук, профессор	3 500–5 000		
	канд. наук, старший преподава- тель или доцент	2 500–3 200		
Научный редактор, главный библиограф, литератур- ный редактор, переводчик издательства иностранной литературы		1 200–2 300		
Кинотехник, старший киномеханик, киномеханик		500–700		
Работник управления торгующей организации				727–737
Инженер, мастер цеха, юрисконсульт, старший плановик цеха завода Главкислорода при СМ СССР III категории		600–700		

Продолжение таблицы 1

	1	2	3	4
Управляющий трестом	Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР I категории		2 000–2 500	
	Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии I категории	2 500–3 000		
Главный инженер	нефтедобывающего треста к I-II категории	2 000–2 500		
	нефтеперерабатывающего треста I-II категории	900–1 200		
	комбината местной промышленности		600–980	
Главный бухгалтер	треста Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии I категории	1 200–1 400		
	комбината местной промышленности		550–830	
ИТР	предприятия сельскохозяйственного машиностроения	1 056	1 060	
	предприятия черной металлургии	2 221	2 119	
	предприятия судостроительной промышленности	1 129	1 137	
Технолог на предприятии Министерства тяжелого машиностроения				1 472
Мастер	предприятия Министерства лесной промышленности	700–500		
	предприятия Министерства тяжелого машиностроения			983
Экономист	планового отдела треста Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР		690–880	
	Госплана СССР		790–880	
	треста Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии I категории	600–800		
Техник	конторы капитального ремонта нефтяных скважин	500–700		
	комбината местной промышленности		550	
Рабочий	черной металлургии	876	955	
	тяжелого машиностроения	711		
	нефтяной промышленности	750		
	угольной промышленности	1 255		
	транспортного машиностроения	703		
	сельскохозяйственного машиностроения	540	616	
	судостроительной промышленности	515	552	
	дорожно-строительного и нефтяного машиностроения	694		
Рабочий	общего машиностроения и приборостроения	643		
	электротехнического машиностроения	582		
	швейной и обувной промышленности			651
Товаровед, бухгалтер, диспетчер гаража завода Главкислорода при СМ СССР	I категории	500–600		
	III категории	400–500		
Служащий	предприятия черной металлургии	804	870	
	предприятия судостроительной промышленности	556	648	

Продолжение таблицы 1

1		2	3	4
Учитель			650	
Санитарный врач в городском тресте столовых				880
Слесарь нефтебазы				500
Счетовод	на предприятии нефтяной промышленности	300–400		
	комбината местной промышленности	360		
Кладовщик	комбината местной промышленности	360–410		
	Госплана СССР		450	
	треста Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии I категории	350–400		
	обкома КПСС (г. Свердловск)			550
Секретарь-машинистка, телефонистка, стенографистка	треста Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии I категории	350–400		
	предприятия Главкислорода при СМ СССР	275–400		
	обкома КПСС (г. Свердловск)			500
Уборщица, курьер, кочегар, дворник	на предприятиях нефтяной промышленности	200–250		
	на предприятиях Главкислорода при СМ СССР	150–175		
	в обкоме КПСС (г. Свердловск)			290–360

* Источники: ГАСО. Ф. 1930. Оп. 1. Д. 131. Л. 55–56; Ф. 2028. Оп. 1. Д. 535. Л. 60; Д. 539. Л. 123; Ф. 2232. Оп. 1. Д. 48. Л. 12; Ф. Р-1813. Оп. 9. Д. 8. Л. 54; ГАРФ. Ф. 7676. Оп. 6. Д. 842. Л. 20; Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 273. Л. 308–309; Д. 276. Л. 341–343; Д. 277. Л. 341–343; Д. 278. Л. 175, 292–293, 345–359; Д. 280. Л. 45; Д. 281. Л. 265; Д. 282. Л. 214–216; Д. 288. Л. 298–303; Д. 297. Л. 301–303; Д. 310. Л. 21; Д. 340. Л. 14–15; Д. 346. Л. 135–136; Д. 359. Л. 374–377; Жирнов Е. «Дачей, едой, прислужкой мы пользовались бесплатно» // Коммерсантъ Власть. № 47 от 02.12.2002. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/353841> (дата обращения: 15.08.2021); Калинина О. Н. Социальный статус... С. 223; Она же. Продовольственное и промтоварное обеспечение партийной номенклатуры Западной Сибири (середина 1940-х — начало 1950-х гг.) // Иркутский историко-экономический ежегодник. Иркутск, 2014. С. 206; Клинова М. А. Государственное регулирование экономических стратегий городского населения РСФСР в первое послевоенное десятилетие. Екатеринбург, 2019. С. 419–422; Коновалов А. Б. Эволюция системы... С. 164, 167; Кузнецова Н. В. Указ. соч. С. 61, 62; Мамяченков В. Н. Материальные условия жизни... С. 73, 77, 78; Он же. Денежные доходы... С. 242, 243, 244; Попов В. П. Указ. соч. С. 65; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 18. Л. 227; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 161–161об.; Ф. 8210. Оп. 1. Д. 392. Л. 21; Д. 404. Л. 31; Д. 658. Л. 55; Д. 660. Л. 29; Ф. 8230. Оп. 1. Д. 51. Л. 74; Д. 148. Л. 91; Ф. 8833. Оп. 1. Д. 89. Л. 38; Д. 244. Л. 129; Ф. 8902. Оп. 1. Д. 41. Л. 18; Д. 107. Л. 34; Д. 293. Л. 22; Д. 367. Л. 21; Ф. 8904. Оп. 1. Д. 82. Л. 75; Д. 205. Л. 38; Фильцер Д. Указ. соч. С. 310.

** Данные по 1952 г.

*** В скобках указаны объемы ежемесячных дополнительных выплат — «временного денежного довольствия».

**** Данные по 1948 г.

С целью закрепления кадров на предприятиях приоритетных отраслей индустрии были установлены дополнительные денежные выплаты, объем которых определялся стажем работника. Для подземных рабочих шахт, рудников, горных мастеров и ИТР, занятых на горных работах, ежегодные единовременные выплаты составляли: в угольной промышленности — от 10 до 30 % оклада, в цветной металлургии — от 5 до 20 % оклада.¹³

Факторами, обусловившими усиление дифференциации заработков в промышленности во второй половине 1940-х гг., являлись снижение сдельных расценок и повышение норм выработки рабочих. Объем единовременного

повышения данных норм по разным отраслям составил от 4,3 до 35 %.¹⁴ Наиболее значительным данное повышение было на предприятиях Министерств торговли и кинематографии. На предприятиях добывающих отраслей и в металлургии повышение норм было дифференцированным: менее 10 % в основных цехах, и около 20 % в подобных цехах предприятий. В 1946–1949 гг. также были снижены сдельные расценки оплаты труда рабочих (от 4 до 25,9 % по различным отраслям).¹⁵ В меньшей степени снижение коснулось работников

¹⁴ См.: Клинова М. А. Изменение норм выработки и сдельных расценок оплаты труда на промышленных предприятиях СССР (1946–1949 гг.) // Документ. Архив. История. Современность. 2021. Вып. 21. С. 135–140.

¹⁵ См.: Там же.

¹³ Там же. Д. 311. Л. 129–134; Д. 344. Л. 168–175.

основных цехов предприятий тяжелой и оборонной промышленности.

В целом разрыв в оплате труда в промышленности обуславливался отраслевой принадлежностью, классом предприятий, номенклатурой выпускаемой продукции, квалификацией и стажем кадров (см. табл. 1).

В 1945–1953 гг. зарплата рабочих и служащих в торговле была на 25–35 % ниже, чем средняя по народному хозяйству, а зарплата работников здравоохранения была ниже на 11–26 %.¹⁶ В сравнении с заработками в промышленности средняя оплата труда сотрудников здравоохранения и общественного питания была ниже на 21–34 % и 45–54 % соответственно.¹⁷ Самыми низкими были оклады у уборщиц, прачек, кубогревов, истопников, дворников, сторожей и пр. (см. табл. 1). Зарплата в 150–175 руб. в 1946–1947 гг. позволяла выкупить продовольственный паек по карточкам на одного человека.¹⁸ Для отоваривания карточек на семью из трех человек требовалось 600–700 руб. в месяц,¹⁹ примерно такой же была стоимость продовольственной корзины после отмены карточек. Оплата труда обслуживающего персонала равнялась лишь 20–30 % этой суммы. Заработная плата данных профессиональных групп варьировалась в зависимости от ведомственной принадлежности предприятия: в нефтяной промышленности оклады были выше, чем на предприятиях Главкислорода, а наиболее высокую зарплату получал обслуживающий и вспомогательный персонал партийных учреждений (см. табл. 1).

Предпринятое в 1940-е гг. повышение заработной платы горожан носило избирательный характер. Необходимость ускорения НТП способствовала повышению значимости научных разработок. Были повышены заработки научно-преподавательских кадров с учеными степенями и званиями. Оклад доктора наук мог достигать 5500 руб., оклад кандидата наук — 3200 руб., зарплата старших преподавателей и ассистентов, не имевших ученых степеней и званий, увеличилась на 50 %.²⁰ Принцип главного звена, предполагающий выделение приоритетной группы в социальной общности, действовал и в научном сообществе. Оклады ученых, занятых эмпирическими исследованиями в атомной

энергетике, оборонной промышленности, были на 20–40 % выше, чем оклады медиков, биологов, гуманитариев.²¹ Территориальный принцип повышения доходов научных работников был реализован применительно к сотрудникам гидрометеорологических, авиаметеорологических станций и постов. Сотрудникам устанавливалась надбавка к окладу в размере от 25 до 100 % если организация находилась за полярным кругом, на территории Сахалина, Курильских островов, в высокогорных районах.²²

Одной из групп городского социума, отличавшейся повышенными заработками, была советская творческая интеллигенция. В 1946 г. были повышены оклады работникам Большого и Малого театров (см. табл. 1). Дифференцированной была оплата труда советских поэтов и писателей. В 1947 г. была установлена шкала оценки литературно-художественных произведений: выдающиеся произведения, хорошие и удовлетворительные. Произведение художественной прозы (тираж 15 000 экз.) оплачивалось по ставке в 1500, 3000, 4000 руб. за 1 авторский лист (в зависимости от категории); научно-популярные издания для детей — 1000, 1500, 3000 руб. за авторский лист; стихотворные произведения — 7, 14 и 20 руб. за строку.²³

Говоря о представителях советской творческой интеллигенции, нельзя не упомянуть еще об одной форме оплаты труда — персональных окладах. В 1946 г. было установлено 30 персональных окладов работникам Большого театра (от 5000 до 7000 руб.), 7 персональных окладов сотрудникам Малого театра (от 5000 до 6000 руб.).²⁴ Практика назначения персональных окладов применялась и в отношении сотрудников предприятий военных и хозяйственных министерств. В 1946 г. правительство попыталось урегулировать систему их назначения. В постановлении СМ СССР от 9 декабря 1946 г. № 2627 утверждалось требование уменьшить лимиты персональных окладов по Министерству торговли — с 1893 до 1350 окладов (100 окладов установить для работников центрального аппарата); по Министерству морского флота — с 289 до 230 (40 окладов для сотрудников центрального аппарата); по Министерству земледелия — с 550 до 300 окладов (100 окладов для работников центрального

¹⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 41. Д. 113. Л. 161–161об.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Попов В. П. Указ. соч. С. 72, 76.

¹⁹ См.: Зубкова Е. Ю. Указ. соч. С. 70.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 273. Л. 308–309.

²¹ Там же. Д. 310. Л. 21.

²² Там же. Д. 317. Л. 12, 16.

²³ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 5. 1946–1948. С. 228, 229.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 277. Л. 341–343; Д. 278. Л. 292–293.

аппарата).²⁵ Определенное урегулирование системы назначения персональных окладов не означало отказа от данной практики. В 1948 г. было установлено 25 персональных окладов в Союзе советских композиторов (10 из них для сотрудников центрального аппарата).²⁶ В 1948–1953 гг. персональные оклады назначались заместителям руководителей и главным бухгалтерам предприятий.²⁷ Размеры персональных окладов составляли от 1 900 до 7 000 руб. в зависимости от статуса работника.²⁸

Возвращаясь к теме должностных окладов, следует отдельно сказать о заработках руководящих работников (партийных, хозяйственных). Заработная плата директоров предприятий или организаций значительно варьировалась. Зарплата руководителей вузов и институтов АН СССР в 1946 г. возросла до 6 000–8 000 руб. (в зависимости от категории учреждения),²⁹ превысив оклады директоров промышленных предприятий (составлявшие от 600 до 4 000 руб.) (см. табл. 1). Заработки партийных работников имели свою специфику. Официальные размеры их окладов были сопоставимы с заработками ИТР и хозяйственных управленцев. В период функционирования карточной системы партийные и советские работники дополнительно получали лимитные книжки, талоны на спецпитание и пр. После отмены карточек для отдельных категорий руководящих партийных кадров вводились доплаты к заработной плате — «временное денежное довольствие». Данные выплаты были ежемесячными, в 2–3 раза превосходили оклады, не облагались налогами. Доплаты не распространялись на работников ниже должности заведующего сектором обкома (см. табл. 1). В результате введения означенных выплат ежемесячные заработки партийных управленцев значительно возросли, превысив оклады руководителей других организаций. По данным А. Б. Коновалова, в СССР в декабре 1955 г. временное денежное довольствие выплачивалось 6 136 работникам на сумму 169 млн руб. в год³⁰ (то есть в среднем 2 295 руб. в месяц на человека, без учета оклада).

²⁵ Там же. Л. 298.

²⁶ Там же. Д. 346. Л. 67–69.

²⁷ Там же. Д. 340. Л. 14–15.

²⁸ См.: Клинова М. А. Государственное регулирование... С. 419.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 273. Л. 309.

³⁰ См.: Коновалов А. Б. Модернизация системы номенклатурных льгот и привилегий: опыт хрущевских реформ (1953–1964 годы) // Исторический ежегодник. Новосибирск, 2007. С. 11.

В целом заработки представителей низкооплачиваемых профессий и партийных руководителей отличались в десятки раз, определяя очень существенные различия в уровне и качестве жизни данных социальных групп. Диссонанс между декларируемым тезисом о социалистическом равенстве и фактической материальной поляризацией советского социума отмечался современниками. А. Жид, посетивший СССР в 1936 г., наблюдая «нищету большинства трудящихся» и «чудовищную зарплату привилегированных», пришел к выводу: «Снова общество начинает расслаиваться... образуется новая разновидность аристократии», «ничего коммунистического в их сердцах уже не осталось».³¹ Проблема материального неравенства являлась темой дневниковых записей и писем граждан в органы власти. Н. Н. Пронцев (г. Молотов) в своем письме в Совет Министров СССР отмечал: «Вы говорите, что мы построили социализм и, значит, живем: “работаем по способности и получаем по труду.” <...> Но неужели у нас в СССР люди имеют между собой такой резкий контраст: одни очень способны, а другие никуда не годятся? Они эти очень способные живут в довольстве, для них все: и персональные машины, и дачи, и большие деньги, и отдых на курорте. А люди “никуда не годящиеся” <...> не могут сами себя прокормить, как бы они не работали. <...> Один получает 4 тысячи, а другой 250 рублей. <...> Неужели на столько дешевле один человек другого?»³² В дневнике учащейся К. Гайнутдиновой (г. Новосибирск) находим следующую запись от 1952 г.: «Н. И. сказала мне, что теперь те же самые буржуи, но под другим названием. Это, конечно, грубо сказано, но, в общем верно. Почему я то и дело вижу ужасное неравенство? Одни в шелках и бархате, другие — чуть ли не в лохмотьях. Одни всегда сыты, другим нечего есть».³³

В оценке масштабов материального неравенства населения определяющую роль играет система оценочных координат. Т. Пикетти, Ф. Новокмет и Г. Зюкман, предпринявшие исследование, посвященное проблематике неравенства в России и СССР, пришли к выводу, что в 1956 г. 1% наиболее богатого населения в СССР имел доходы, в 5,6 раз превышавшие

³¹ Два взгляда из-за рубежа. М., 1990. С. 125, 135.

³² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 80. Д. 3188. Л. 41.

³³ Гайнутдинова К. М. Дневники. Запись от 11 декабря 1952 // Электронный корпус «Прожито». URL: <https://prozhito.org/person/2584> (дата обращения: 15.08.2021).

средние по стране.³⁴ Этот показатель они оценивают как достаточно низкий, в сравнении с данными по США и Франции (1956) — 13,9 и 11,1 соответственно,³⁵ в сопоставлении с российским дореволюционным уровнем — 18,4, а также с уровнем в России 1991 г. — 8,5. В то же время анализ приведенных авторами данных позволяет заключить, что применительно к советскому периоду российской истории (до 1988 г.) наиболее высоким показатель распределения доходов был именно в 1956 г. (1934 г. — 4,4; 1959 г. — 4,7; 1968 г. — 3,9; 1980 г. — 3,6).³⁶ Уточняя приведенные данные, Т. Пикетти, Ф. Новокмет и Г. Зюкман отмечают, что наиболее существенный уровень денежного неравенства советского населения был в конце сталинского периода.³⁷

Говоря о неравенстве, наблюдавшемся в советском городском социуме в 1946–1953 гг., важно отметить, что объем доходов граждан не всегда был тождественен их заработной плате. Бюджет мог пополняться из других легальных источников доходов (различных премиальных выплат, выигрышей по облигациям, дополнительных подработок и пр.), а также в результате незаконных экономических практик (коррупции, хищений, занятий запрещенными промыслами, спекуляцией и пр.). Немаловажно и то, что советскую систему распределения отличал дифференцированный доступ к товарам и услугам, обусловленный профессиональным, должностным статусом граждан. Означенные монетарные и немонетарные составляющие формировали сложную систему материального неравенства, существовавшую в советском социуме позднесталинского периода. Методология Т. Пикетти, Ф. Новокмета и Г. Зюкмана ориентирована на получение сопоставимых показателей материального неравенства по разным странам, но авторами не учитывались немонетарные измерения социальной дифференциации, как и ряд других аспектов формирования и распределения доходов в СССР — России.³⁸ По

всей видимости, учет данных факторов позволил бы переосмыслить показатели неравенства в СССР 1946–1953 гг. в сторону увеличения.

Возвращаясь к теме заработков горожан, можно заключить, что политика оплаты труда 1946–1953 гг. имела ряд специфических черт. Во-первых, она отличалась высоким уровнем дифференциации, обусловленной отраслью, местоположением предприятия, профессией, должностью, стажем и личными заслугами работника. В соответствии с принципом главного звена, в профессиональном спектре городского социума выделялись приоритетные группы, в отношении которых более активно применялись методы положительного материального стимулирования труда (повышение окладов, дополнительные выплаты и пр.), в то время как по отношению к остальным горожанам широко применялись методы негативного материального стимулирования (повышение норм выработки и снижение сдельных расценок оплаты труда). Во-вторых, размеры заработной платы горожан зависели от результативности и производительности труда (в большей степени данная тенденция была заметна в индустрии).

Наличие выделенных особенностей позволяет говорить о сохранении в послевоенные годы принципа «ставки на сильных», обозначившегося в качестве лейтмотива социальной политики в 1930-е гг.³⁹ С одной стороны, проводимая Сталиным социальная политика, названная В. Данхем «большой сделкой»,⁴⁰ была направлена на обеспечение материально устроенной жизни правящей партийной элиты и советского среднего класса (руководителей разных уровней, квалифицированных рабочих, ИТР, научной и творческой интеллигенции) в обмен на лояльность данных групп в отношении правящего режима. Дифференцированная политика оплаты труда была инструментом решения государственных задач: закрепления кадров в приоритетных отраслях промышленности, повышения производительности труда, стимулирования научных разработок и пр. С другой стороны, реализация означенной политики способствовала материальной поляризации советского социума, болезненно воспринимаемая современниками и трактуемая как нарушение принципа социалистического распределения.

³⁴ См.: Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016 // WID.world WORKING PAPER SERIES. № 2017/09. P. 37.

³⁵ См.: Top 1 % national income share // World inequality data base. URL: https://wid.world/world/#sptinc_p99p100_z/US;FR;DE;CN;GB;WO;RU/last/eu/k/p/yearly/s/false/2.3925/30/curve/false/country (дата обращения: 15.08.2021).

³⁶ См.: Там же.

³⁷ См.: Novokmet F., Piketty T., Zucman G. Op. cit. P. 37.

³⁸ См.: Капелюшников Р. И. Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов // Вопросы экономики. 2020. № 4. С. 67–106; Маслова О. Л., Багрова Е. В. Философия и эволюция неравенства: теория Кузнецца, критика Томаса Пикетти, приложение данных теорий для

России // Интегрированные модели современных информационных систем в условиях цифровизации экономики России. Орел, 2021. С. 193.

³⁹ См.: Роговин В. З. Сталинский неонэп. М., 1994. С. 200–215.

⁴⁰ См.: Dunham V. In Stalin's time: Middleclass Values in Soviet Fiction. Cambridge, 1976. P. 14.

Произошедшая в середине 1950-х гг. смена политической конъюнктуры отразилась на изменении политики оплаты труда. Дифференцированная политика сменяется курсом на повышение материального благосостояния всего населения и нивелирование существующей материальной поляризации социума. Важно отметить, что отказ от дифференцированной политики оплаты труда шел параллельно с общим ослаблением мобилизационного режима в социально-экономической сфере (смягчение санкций в отношении нарушителей трудовой дисциплины, сокращение контингента, мобилизуемого через систему оргнабора и трудо-

вых резервов, снижение интенсивности кампании по борьбе с хищениями, спекуляцией и пр.). Синхронность данных процессов позволяет заключить, что дифференцированная политика оплаты труда, способствующая материальной поляризации социума, являлась элементом, присущим советской мобилизационной экономической стратегии. Она выполняла функцию стимулирования труда, а также позволяла интенсифицировать работу отдельных профессиональных групп (предприятий, отраслей, регионов), обладающих значимостью в контексте достижения мобилизационных задач.

Marina A. Klinova

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: klinowa.m@yandex.ru

THE POLICY OF REMUNERATION OF THE RSFSR'S URBAN DWELLERS IN 1946–1953:
A MOBILIZATION TOOL AND MATERIAL INEQUALITY FACTOR

The paper analyzes the policy of remuneration of various professional groups of the urban society of the RSFSR in 1946–1953 to determine the specifics and extent of wage differentiation, its conditionality with the tasks of the mobilization strategy of the state. The policy of remuneration of urban dwellers was characterized by a high level of differentiation. In accordance with the main link principle, in urban society “priority” groups were identified, in relation to which positive material incentives (salary increases, payments, etc.) were more actively applied. In relation to the rest of the townspeople, methods of negative financial incentives were more widely used (increasing production rates, reducing piece rates). Differentiated wage policy was a tool for solving state tasks: securing personnel in priority industries, increasing labor productivity, stimulating scientific research, etc. On the other hand, it contributed to the material polarization of Soviet society. In assessing the scale of material inequality, the system of estimating coordinates plays a decisive role. Contemporaries noted a significant level of material stratification of Soviet society, interpreting it as a violation of the principle of socialist distribution. According to T. Piketty, F. Novokmet and G. Zucman, the coefficient of material inequality in the post-war USSR was quite low (in comparison with the pre-revolutionary, post-Soviet, foreign levels), but on the scale of the Soviet period, this indicator reached its maximum precisely in the post-war years.

Keywords: *wages, inequality, urban population, 1946–1953, Soviet mobilization*

REFERENCES

- Dunham V. *In Stalin's Time: Middle class Values in Soviet Fiction*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. (in English).
- Dva vzglyada iz-za rubezha* [Two views from abroad]. Moscow: Politizdat Publ., 1990. (in Russ.).
- Filzer D. *Sovetskiye rabochiye i pozdnyy stalinizm. Rabochiy klass i vosstanovleniye stalinskoy sistemy posle okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny* [Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after World War II]. Moscow: Prezidentskiy tsentr B. N. Yel'tsina Publ., 2011. (in Russ.).
- Kalinina O. N. [Food and manufactured goods supply of the party nomenclature in West Siberia (middle of 1940s — the beginning of the 1950s)]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii yezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk: Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava Publ., 2014, pp. 200–208. (in Russ.).
- Kalinina O. N. [Social status and material maintenance of the regional party and Soviet nomenclature of the West Siberia in 1953–1964]. *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskii yezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk: Baykal'skiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava Publ., 2015, pp. 221–229. (in Russ.).

Kapeliushnikov R. I. [Piketty's team on inequality in Russia: a collection of statistical artifacts]. *Voprosy ekonomiki* [Questions of Economics], 2020, no. 4, pp. 67–106. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-4-67-106 (in Russ.).

Klinova M. A. [Changes in the industrial output standards and the piece wage system of soviet industrial enterprises (1946–1949)]. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'* [Document. Archive. History. Modernity], 2021, iss. 21, pp. 133–145. (in Russ.).

Klinova M. A. *Gosudarstvennoye regulirovaniye ekonomicheskikh strategiy gorodskogo naseleniya RSFSR v pervoye poslevoynnoye desyatiletie* [State regulation of the economic strategies of the urban population of the RSFSR in the first post-war decade]. Ekaterinburg: UMTs UPI Publ., 2019. (in Russ.).

Konovalov A. B. [Evolution of the system of nomenklatura benefits and privileges during the period of “late Stalinism” (1945–1953)]. *Nomenklatura i nomenklaturnaya organizatsiya vlasti v Rossii XX veka* [Nomenklatura and nomenklatura organization of power in the 20th century Russia]. Perm: PGU Publ., 2004, pp. 161–179. (in Russ.).

Konovalov A. B. [Modernization of the system of nomenklatura benefits and privileges: the experience of the Khrushchev reforms (1953–1964)]. *Istoricheskiy yezhegodnik. 2007* [Historical Yearbook. 2007]. Novosibirsk: Ripel Publ., 2007, pp. 6–20. (in Russ.).

Kuznetsova N. V. [Prices and wages dynamics in the Lower Volga region amid the food crisis in 1946–1947]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science journal of Volgograd state university. History. Area Studies. International Relations], 2012, no. 1 (21), pp. 59–66. (in Russ.).

Mamyachenkov V. N. [Monetary incomes of workers of party bodies of the Sverdlovsk region in the 1950s]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova* [Bulletin of the Kostroma State University named after N. A. Nekrasov], 2009, vol. 15, no. 3, pp. 242–245. (in Russ.).

Mamyachenkov V. N. *Material'nyye usloviya zhizni semey promyshlennykh rabochikh Sverdlovskoy oblasti v 1953–1964 godakh: ot Stalina do Brezhneva: istoriko-ekonomicheskoye issledovaniye* [Material conditions of life of families of industrial workers in the Sverdlovsk region in 1953–1964: from Stalin to Brezhnev: a historical and economic research]. Ekaterinburg: AMB Publ., 2010. (in Russ.).

Maslova O. L., Bagrova E. V. [Philosophy and evolution of inequality: Kuznets theory, criticism of Thomas Piketty, application of these theories for Russia]. *Integrirovannyye modeli sovremennykh informatsionnykh sistem v usloviyakh tsifrovizatsii ekonomiki Rossii* [Integrated models of modern information systems in the digitalization of the Russian economy]. Orel: OGUEIT Publ., 2021, pp. 191–194. (in Russ.).

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia 1905–2016. *WID.world WORKING PAPER SERIES*, no. 2017/09. (in English).

Poberezhnikov I. V. [Modernization in the history of Russia: trends and investigation problems]. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Journal], 2017, no. 4 (57), pp. 36–45. (in Russ.).

Popov V. P. *Ekonomicheskaya politika sovetskogo gosudarstva. 1946–1953 gg.* [Economic policy of the Soviet state. 1946–1953]. Moscow; Tambov: Izd-vo TGTU Publ., 2000. (in Russ.).

Rogovin V. Z. *Stalinskiy neonep* [Stalin's neo-nep]. Moscow: B. i., 1994. (in Russ.).

Sedov V. V. *Mobilizatsionnaya ekonomika: sovetskaya model'* [Mobilization economy: Soviet model]. Chelyabinsk: ChelGU Publ., 2003. (in Russ.).

Zhirnov E. [“We used the dacha, food, servants for free”]. *Kommersant Vlast'* [Kommersant Power], no. 47, 02.12.2002. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/353841> (accessed: 15.08.2021). (in Russ.).

Zubkova E. Yu. *Poslevoynnoye sovetskoye obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN Publ., 1999. (in Russ.).

Для цитирования: Клинова М. А. Политика оплаты труда горожан РСФСР в 1946–1953 гг.: мобилизационный инструмент и фактор материального неравенства // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 72–81. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-72-81.

For citation: Klinova M. A. The policy of remuneration of the RSFSR's urban dwellers in 1946–1953: a mobilization tool and material inequality factor // Ural Historical Journal, 2022, no. 1 (74), pp. 72–81. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-1(74)-72-81.